

При Международном центре была также организована международная комиссия по изучению рабочей песни, в состав которой вошли и советские фольклористы, В. Е. Гусев и М. Друскин.

Таким образом, сравнительный аспект исследования должен способствовать решению целого ряда проблем, которые в общеметодологическом плане остаются дискуссионными. Для народного творчества в целом, и жанра рабочей песни в частности, это проблема коллективного и индивидуального, взаимоотношений традиционного творчества и литературы; это изучение репертуара и собственно рабочих песен, процесса создания новых произведений, раскрытие их идейно-художественной целостности. Требуется решения и проблема характера вариативности произведений рабочего фольклора.

Исследование рабочего фольклора является одной из ведущих проблем современной науки о народном творчестве, в решении которой участвуют не только фольклористы, но и этнографы, историки, музыковеды и социологи.

А. Л. НАЛЕПИН
Институт мировой литературы АН СССР

Рабочий фольклор в контексте историко-индустриальной этнографии США (к проблеме типологии жанров)

В изучении всякого явления культуры можно, как правило, выделить два обязательных этапа: этап накопления и систематизирования конкретного материала и этап его теоретического осмысления. Чаще всего практическая деятельность опережает (иногда даже значительно) теоретическую мысль, хотя история науки знает немало исключений из этого правила. В отечественной фольклористике таким счастливым исключением стало изучение песенно-поэтического и прозаического творчества русских рабочих, когда теоретическое осмысление материала происходило одновременно с его собиранием. Именно поэтому столь осязаемы достижения советской фольклористической школы в изучении рабочего фольклора как явления исторического, этнографического, эстетического, литературного, психологического.

Успехи в этой области должны стимулировать дальнейшие исследования для решения существенных проблем теории рабочего фольклора. Важным представляется выявление закономерностей исторического развития жанров этой области фольклора, что возможно лишь при типологическом изучении. В своем

докладе на симпозиуме «Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса» В. П. Аникин справедливо отмечал, что «остается почти нетронутой область типологического исследования рабочего фольклора разных народов нашей страны, а также область сравнительного изучения рабочего фольклора народов разных стран»¹. Типологические исследования предполагают выявление сходства и параллелей между произведениями рабочего фольклора различных этносов, как родственных, так и не имеющих ни этногенетической, ни территориальной связи. В первом случае это может быть типологическое изучение, к примеру, русского и славянского рабочего фольклора, во втором — русского и, например, романо-германского. На перспективность такого метода типологических исследований указывал академик М. Б. Храпченко: «Когда же речь идет о типологической общности эстетически значимых литературных фактов, имеется в виду, естественно, не простая их повторяемость и не их внешнее сходство. В этом случае рассматриваются прежде всего явления, которые могут быть названы родственными в том или ином отношении, родственными не только вследствие генетических связей, но в силу близости, сходства некоторых существенных своих особенностей. Литературная типология предполагает затем раскрытие общих или сходных тенденций развития как в литературах народов, близких по языку и своим историческим судьбам, так и в литературах народов, которым не присущи эти черты. Но в самых различных типологических обобщениях родственное, общее и сходное характеризуется не в простом отвлечении от индивидуального, частного и не в прямолинейном противопоставлении им, а в их внутренних связях»².

Для раскрытия этих внутренних связей на качественно новом, т. е. типологическом, уровне необходимо иметь достаточно полное представление об объектах исследования. Между тем советская фольклористика, имея ощутимые успехи в изучении рабочего фольклора народов нашей страны, мало уделяет внимания исследованиям по рабочему фольклору, которые в последние годы интенсивно проводятся за рубежом. Специалисты знакомы в основном с работами по рабочему фольклору ученых ГДР, ПНР, Франции, Великобритании, которые исследуют именно конкретику этого жанра, что само по себе ценно. Советская фольклористика изучала и изучает, например, противоречивое движение западных «фольксингеров», представленное творчеством Джо Хилла, Моли Джексон, Вуди Гатри, Пита Сигера

¹ Аникин В. П. Рабочий фольклор и современные проблемы фольклористики // Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса: Тез. докл. симпоз., 26—28 июня 1984 г. Свердловск, 1984. С. 5.

² Храпченко М. Б. Типологическое изучение литературы и его принципы // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969. С. 12—13.

и многих других³. Однако наше представление о характере зарубежных исследований по рабочему фольклору не является полным, так как все еще мало анализируются современные тенденции западной науки в этой области. В последние годы за рубежом интерес к рабочему фольклору значительно возрос, однако исследования в этой области во многом неравноценны и противоречивы, и объективная их оценка, в свете ленинской мысли: «...если мы хотим спорить по существу, то нужно ясно представлять то, что критикуем»⁴, представляется задачей первоочередной важности.

Характерной особенностью современного этапа изучения рабочего фольклора на Западе является очевидный отход от конкретного историзма к исследованиям комплексного плана, куда входит собственно производственный процесс и все этнокультурные образования вокруг него. Детально анализируется та или иная отрасль промышленности и все проявления материальной и духовной культуры (в том числе и фольклор) рабочих, занятых на данном производстве. Считается, что традиционные методы исследования, характерные, скажем, для работ английского специалиста по песенному творчеству горняков А. Л. Ллойда⁵, американского исследователя фольклора рабочих битумной промышленности Дж. Корсона⁶ и многих других⁷, уже не отвечают задачам современной фольклористики. Такие работы в лучшем случае рассматриваются лишь как полезные справочные пособия, заключающие в себе ограниченный объем информации.

Взамен предлагаются комплексные исследования, не являющиеся по сути фольклористическими, а относящиеся к области так называемой **историко-индустриальной этнографии**. Главной задачей такого рода работ является этносоциологическое описание производственного процесса и всех связанных с ним категорий (организации труда, быта и отдыха рабочих, их песенного, поэтического и прозаического фольклора, системы обрядов, поверий и суеверий и т. д.). Однако исследовательские методы историко-индустриальной этнографии не тождественны социологическим. Их целью является не моделирование объекта, а выявление «естественного контекста» функционирования того

³ См.: *Землянова Л. М.* Современная американская фольклористика: Теоретические направления и тенденции. М., 1975. С. 249—259.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 190.

⁵ *Lloyd A. L.* Come All Ye Bold Miners: Ballads and Songs of the Coalfields. 1978; *Lloyd A. L.* The Sinding Englishman. 1944.

⁶ *Korson G.* Goad Dust on the Fiddle: Songs and Stories of the Bituminous Industry. Philadelphia, 1943; *Korson G.* Black Rock: Mining Folklore on the Pennsylvania Dutch. Baltimore, 1960.

⁷ Folklore International: Essays in Traditional Literature Belief and Custom in Honor of Wayland Debs Hand/Ed. by D. K. Wilgus. Hatboro (Penn.), 1967; *Fish L. M.* The Folklore of the Coal Miners of the Northeast of England. Norwood (Penn.), 1975.

или иного связанного с производством этнокультурного явления. Отказываясь от традиционного описания трудового процесса и связанных с ним элементов материальной и духовной культуры профессиональной среды, западные ученые ставят задачу фиксировать все эти категории как бы сознанием самого носителя данной культуры, определяя «insider's view», т. е. «точку зрения лица, являющегося членом какого-либо локального сообщества». Интересна в этом плане методика полевой работы, когда исследователь как бы «внедряется» в профессиональную среду, пассивно наблюдая за функционированием того или иного этнокультурного явления (например, за бытованием песенного фольклора рабочих или за системой профессиональных табу) в естественной обстановке («естественный контекст»). Если же изучаемое явление по какой-либо причине зафиксировать невозможно, то исследователь имеет право «спровоцировать» его появление и функционирование в искусственной обстановке («индуцированный естественный контекст»).

Эта тенденция отчетливо прослеживается в работах Эдварда Ивса⁸, Уильяма Монтелла⁹, Бетти Мессенджер¹⁰ и многих других. Цель таких исследований — проанализировать деятельность современного рабочего как нерасторжимый производственно-культурный феномен. Например, в книге Б. Мессенджер, посвященной работникам текстильной промышленности, повествовательный и песенный материал распределен в соответствии с разделением труда на текстильной фабрике: песни и проза рабочих прядильных цехов, чесальщиков, ткачей и т. д. Следует, однако, отметить, что объем чисто социологической информации значительно превосходит культурологическую и производственную. Главное место в книге Б. Мессенджер занимают опросы рабочих о профессии (как позитивные, так и негативные), анализируются шутки и анекдоты, профессиональный жаргон и юмор, надписи на стенах в душевых комнатах (так называемые «граффити») и т. д. Такого рода исследования, по мнению западных ученых, направлены на то, чтобы заменить весьма неопределенный стереотип, существующий среди специалистов по рабочему фольклору и этнографии, на более четкое понимание этого культурно-индустриального феномена, что возможно лишь при взгляде на явление изнутри.

Исследование «естественного контекста» включает в себя и анализ психологии поведения рабочего в процессе производства. Несомненный интерес представляют наблюдения амери-

⁸ Ives E. D. Joe Scott: The Woodsman Songmaker. Urbana; Illinois, 1978; Ives E. D. Larry Gorman: The Man Who Made the Songs. Bloomington; Indiana, 1964.

⁹ Montell W. L. Saga of Coe Ridge: A Study in Oral History. Knoxville, 1970.

¹⁰ Messeger B. Picking Up the Linen Threads: A Study in Industrial Folklore. Austin, 1978.

канского этнографа Дональда Роя за поведением рабочего в процессе контакта с орудием производства (проблема «человек — машина») ¹¹. Исследователь «внедрил» в рабочую среду, устроившись работать оператором штамповочной машины на небольшом производстве. В его задачу входила штамповка заготовок кожи различных размеров, формы и цвета. Несколько дней у него ушло на овладение приемами работы и обслуживания несложного механизма, на выработку персональной техники безопасности. Через несколько дней он обнаружил, что работа начинает тяготить его своей монотонностью и однообразием. Именно в этот момент у Роя и возникла идея превращения работы в своеобразную игру со штамповочной машиной. К примеру, он стал манипулировать с цветом заготовок, поставив перед собой цель после каждой тысячи зеленого цвета штамповать несколько коричневых, а затем белых заготовок. Он стал варьировать и формы заготовок, штампуя после определенной партии треугольных несколько квадратных. Подобные операции стали своеобразным «интеллектуальным стимулом», работа перестала казаться монотонной, так как в конце каждого отрезка своего труда Рой получал игровой «приз» в виде заготовки определенного цвета или формы. Дальнейшие исследования американского этнографа показали, что каждый рабочий на производстве создает свои собственные игровые приемы, сходные по содержанию, но весьма разнообразные по форме. Наблюдения Роя имеют ценность для этнографии, но мало что дают для фольклористики. К сожалению, мимо его внимания прошел немаловажный аспект этой проблемы. Речь идет о фольклорном «обрамлении» процесса труда, о его эстетическом оформлении. В процессе любого труда (особенно при монотонном его характере) функциональная значимость словесного и музыкального фольклора (прибаутки, шутки, песни и т. д.) огромна и достойна самого внимательного изучения.

Для зарубежных ученых изучение рабочего фольклора в рамках историко-индустриальной этнографии имеет важное значение в связи с активными исследованиями в области так называемой «бихевиористской» истории. У истоков ее возникновения стоял известный американский фольклорист Ричард Дорсон, в работах которого впервые отчетливо прозвучала мысль о неадекватности понятий «американский фольклор» и «фольклор в Америке» ¹². Именно в «американском фольклоре», по мнению Дорсона, нашли отражение практически все

¹¹ Roy D. «Banana Time»: Job Satisfaction and Informal Interaction//Human Organization. 1959—1960. Vol. 18. P. 158—168.

¹² Dorson R. M. «American Folklore» vs. Folklore in America//Journal of the Folklore Institute. 1978. Vol. 15. P. 97—111; Dorson R. M. Rejoinder to «American Folklore» vs. Folklore in America: A Fixed Fight?//Journal of the Folklore Institute. 1980. Vol. 17. P. 85—89.

события истории США: борьба за независимость и Гражданская война, иммиграция и экономические кризисы и т. д. Историческая наука основывается лишь на фактах, игнорируя их народную интерпретацию. Отсюда главный постулат сторонников «бихевиористской» истории — изучать не только факты, имеющие место, но и их отражение в этническом сознании, поведении и психологии. Важно исследовать народное восприятие и оценку не только действительных исторических событий, но также и тех, которых не было на самом деле, но которые существуют в сознании американцев. Решение этих задач возможно лишь на основе слияния исторических и фольклористических методов исследования. Воссоздание «бихевиористской», т. е. «поведенческой», истории того или иного государства возможно только на основании фольклорных источников, а для индустриально развитых стран — лишь на материале рабочего фольклора. Именно этим можно объяснить для многих неожиданный интерес западных ученых к рабочему фольклору в контексте историко-индустриальной этнографии.

Прагматический подход к изучению культуры рабочего класса невозможно объяснить лишь чисто научным интересом западных исследователей. Причины здесь, несомненно, более глубокие. Рабочий класс является ведущей социальной силой общества, что и вынуждает правительственные круги развитых капиталистических стран содействовать проведению исследований в этой области. Даже в методологическом отношении можно проследить определенную зависимость историко-индустриальной этнографии от функционалистской школы Бронислава Малиновского. В обоих случаях объектом изучения провозглашается культура как статическая и устойчивая структура, а эволюция и инновации, происходящие в этой замкнутой системе, исследуются как внутреннее динамическое изменение того или иного «института» культуры¹³. В обоих случаях социально-экономическая и политическая практика определяла цели исследований: для функционализма это была выработка системы «непрямого управления» (*indirect rule*) в колониях с помощью института племенных вождей, для историко-индустриальной этнографии — попытка прогнозировать (а в лучшем случае и управлять) социально-политическими процессами, происходящими в среде рабочего класса в эпоху НТР. Конечно, сторонники историко-индустриальной этнографии, так же как и основоположники функционализма Б. Малиновский и А. Р. Радклифф-Браун, менее всего думали о прикладном характере своих исследований, их интересовала наука и только наука. Однако история науки ясно показывает всю иллюзорность «независимости» западной этнографии и фолькло-

¹³ См. подробнее: *Malinowsky B. Dynamics of Culture Change*. New Haven, 1946; *Malinowsky B. A. Scientific Theory of Culture*. 1960.

ристики от политики правительственных кругов. Не случайно крупнейшие монополии капиталистического мира не только поощряют исследования в области историко-индустриальной этнографии, но и непосредственно принимают участие в реализации некоторых научных программ. Так, например, японская компания «Той Когиро», выпускающая автомобили «Мазда», финансировала ряд исследований по истории японской промышленной техники. В результате этого «социального заказа» ученые университета Киото подготовили, а компания выпустила уникальные труды — «Компактная культура»¹⁴ и «Колесо. Японская история»¹⁵, в которых объединен исторический, этнографический и фольклористический анализ некоторых видов промышленного производства.

В странах капиталистического мира значительна доля иностранных рабочих. Именно поэтому западные монополии, сознавая социальную значимость этой новой общественной силы, ориентируют ученых на исследования в этом направлении. Не случайно западногерманский журналист Э. Нортофф, определяя перспективы развития этнографии и фольклористики в ФРГ, констатировал: «Этнологи сегодня также уделяют все больше и больше внимания проблемам меньшинств в индустриальных странах. Образ жизни и трудности интеграции иностранных рабочих не находятся больше вне пределов внимания этнологов»¹⁶.

Таким образом, исследовательский диапазон историко-индустриальной этнографии достаточно обширен и по мере развития НТР охватывает все новые и новые области. Огромное влияние историко-индустриальная этнография оказывает и на западное искусство. Во всяком случае, вне ее контекста трудно понять причины популярности среди массового потребителя культуры многих произведений искусства — от абстрактной графики Петера Брунинга до «производственных» романов Артура Хейли.

Историко-индустриальная этнография — весьма противоречивое направление современной западной науки. Следует сразу отметить, что по сути это не фольклористические, а социолого-этнографические исследования. Новый метод оказался весьма эффективным для современной этнографии, на что обратили внимание ведущие советские специалисты в этой области, отмечавшие, что «все более активный переход этнографической науки к исследованию народов промышленно развитых стран уже сам по себе предполагает применение в дополнение к традиционным методам непосредственного наблюдения методик, разработанных в социологической и психологической науках

¹⁴ The Compact Culture: The Ethos of Japanese Life. Tokio, 1982.

¹⁵ The Wheel: A Japanese History. Tokio, 1981.

¹⁶ Northoff E. Too Many for Too Few Jobs in the Emergent Science of Ethnology//The German Tribune. 1980. N 960. 12 Oct. P. 12.

специально для нужд анализа взаимоотношений людей в современном обществе»¹⁷. Однако историко-индустриальная этнография мало что дает для современной фольклористики. Несомненно, привлекают новые методы полевых исследований: доскопальное изучение производственных процессов; «внедрение» исследователя в ту или иную профессиональную среду, а иногда даже полное «растворение» в ней и т. д. Вместе с тем в историко-индустриальной этнографии есть множество негативных аспектов, с которыми невозможно согласиться. Это полный отрыв фольклора от системы художественных ценностей, даже учитывая то немаловажное обстоятельство, что западные ученые трактуют понятие «фольклор» значительно шире, чем это принято в советской науке (для них «фольклор» практически адекватен нашему термину «этнография»). В системе историко-индустриальной этнографии фольклор полностью поглощается социологией, что ведет к его полной дегуманизации. Растворение фольклора в этнографии ведет к полному исчезновению жанрового своеобразия рабочего фольклора, закрывает возможность его фольклористического и литературоведческого анализа. Особо тревожит в новой волне исследований игнорирование революционного содержания рабочего фольклора, которое трактуется зарубежными учеными как одна из многих (причем не доминирующих) составляющих этого жанра.

Выдвигая задачу типологического изучения рабочего фольклора, необходимо учитывать ряд важных обстоятельств. Во-первых, типологические исследования песенно-поэтического и прозаического фольклора рабочих разных наций должны идти параллельно с объектным анализом и критикой новейших теорий зарубежной фольклористики в этой области. Необходимо помнить мысль В. И. Ленина, высказанную им в работе «Отношение к буржуазным партиям»: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно «натекаться» на эти общие вопросы»¹⁸. Во-вторых, типологическое изучение жанров фольклора (в том числе и рабочего фольклора) вряд ли будет эффективным без разработки общей теории типологической фольклористики. В этом плане отечественная фольклористика значительно отстает от литературоведения, хотя первые шаги от дескриптивной и сравнительно-исторической фольклористики к типологической уже сделаны¹⁹. В-третьих, ближайшие реальные результаты наиболее вероятны при типологическом изучении рабочего фольклора у родственных этносов. Такие работы уже ведутся, в частности в Институте искусств

¹⁷ Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии//Социол. исслед. 1978. № 4. С. 52.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

¹⁹ См.: Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

воведения, фольклора и этнографии Академии наук СССР, где проводятся исследования рабочего фольклора славянских народов в сравнительно-историческом плане. И, наконец, целью таких типологических исследований рабочего фольклора должно стать выявление определенных эмпирических жанровых типов: на уровне общей, описательной и исторической поэтики, на историко-стадиальном, психологическом, социологическом и других уровнях. Специфика рабочего фольклора, т. е. творчества передового революционного класса, определяет необходимость обратить внимание на социолого-типологический анализ жанров этой области фольклора. При всей, казалось бы, всеохватываемости метода историко-индустриальной этнографии фольклористика должна создать свой собственный научный и понятийный аппарат типологических исследований и использовать методики историко-индустриальной этнографии лишь как вспомогательный инструментарий.